

# СЕВЕРНЫЙ ФЛОТ, С ЛЮБОВЬЮ...

*«То пойдет по полям,  
за ворота,  
То обратно вернется  
опять,  
Будто ищет в потемках  
кого-то...  
И не может никак  
отыскать...»*

Песня была про одинокую гармонию с человеческой душой, про ночь и про музыку. Песню эту петь в Североморске не рекомендовали, и оттого, что с песней обращались, как с живым человеком, о ней думалось. Странная прекрасная песня про душу, а здесь про белые ночи, про голубое, почти «шелковое», почти театральное небо, про невероятную тишину, когда каждый звук осязаем почти зрительно. Звук!

Ночью я делаю уроки. Я учусь в девятом классе, и эта ночная светлость и затененная тишина мне нравятся. Мы проходим «Войну и мир», и сочинение в такие ночи пишется легко-легко. Все встает перед глазами: князь Андрей, Наташа, Кутузов, Наполеон, усадьбы, сражения, благородство, добро, любовь.

Локаторы, локаторы, круглые огромные зеркала, смотрящие в небо и слушающие тишину. На сопках среди белого снега, стального моря и стальных кораблей они даже не портят пейзажа, наверное, из-за круглости. Ведь они круглые.

По субботам в квартире у отца собираются товарищи, все фронтовики. Они здесь без жезла. А у нас дом, и даже пианино, и уют, и тепло, и компот, который обожает дядя Володя Ласси. О его предках в «Войне и мире» пишет Толстой. Я немножечко в него влюблена. Сидя за столом и как-то по-особенному изящно держа папироску, дядя Володя читает гумилевских «Капитанов»... или «Бунт на борту обнаружив...». Эти «розовые брабантские манжеты»... на всю жизнь у меня ассоциируются с Севером и полускрытыми улыбающимися глазами Владимира Дмитриевича, красиво, истинно по-флотски умеющего выпить стопку водки.

В них Есенин спорил с Демьяном Бедным, спорил из-за Христа, обзывал его Придворным. Ссора была очень личная, и Христос представлял личным другом Есенина, которого он в обиду не даст и за него может даже подраться, если от гнева не хватит слов.

Маленький генерал дядя Володя Семенович пел песню про свою «мамуленьку жену», и это было как-то даже не сентиментально. И хотя песня, видимо, была дурацкая, тоска по тете Вале была подлинная. На площадке с нами жила жена капитана-подводника Таня. Она всегда знала, когда они вернутся, и теперь, слыша по радио песню, в которой есть слова «на пирсе тихо в час ночной, тебе известно лишь одной, когда усталая подлодка издали идет домой...», я вспоминаю Таню. Ее любовь, ее «шестое» чувство было выше всех «секретностей». Она всегда точно

знала, когда усталая подлодка издали идет домой.

В «заряды», в полярную ночь — стены снега. За окном приезжал «газик», и я в валенках, закутанная в теплый шарф, садилась на заднее сиденье и ехала в школу. Свет горел всю полярную зиму, побаливали глаза. На крайсере «Адмирал Ушаков» я читала «Гренаду». В газете «На страже Заполярья» есть статья «Школьники на корабле», где написано: «отлично прочитала стихотворение «Гренада» ученица 9-го класса Наташа Маева».

Директором Североморской школы был ленинградец по фамилии Верещагин, ему нравилась моя «Гренада», и он закрывал глаза на мою троичную математику. Верещагин умел ценить человека по тому, что ему дано. И контр-адмиралу Борису Леонидовичу Кореневу нравилась моя «Гренада».

Начальник Политуправления Северного флота, он задавал тон, и тон этот был тоном культуры. В клубе шло «Красное и черное», в книжном магазине можно было купить «Хромого беса» и Монтеня, а на вечера приезжали из Ленинграда и Москвы блистательные артисты, балет и даже Давид Ойстрах.

В Полярном, на самой высокой сопке, было выбито имя Сталина, но, когда умер Сталин и Москва захлебывалась реками слез, приехала из Североморска мама и сказала, что там никто не плакал и ждали перемен к лучшему. Это истинная правда.

Днем отец приходил домой обедать. С пронзительным звонком в дверь влетает братишка. Срывая шубу и валенки, свитера и носки, с всезнайством пятиклассника он кричит отцу из коридора: «Лешка рассказал военную тайну: новые «Миги» испытывают».

Отец не реагирует (хотя Слова тогда еще не издавали). Но «Миги» действительно испытывают, и они бьются. Я еще не прочла «Маленького принца» и «Ночной полет» Экзюпери, но трепет перед профессией летчика — отсюда, с Севера. Каждый день днем с сопки звучит музыка духового оркестра, медленная, протяжная, обволакивающая сопки, город, входящая в каждую квартиру, в каждую форточку. Это там, наверху, в сопках, провожают погибшего летчика. Летчики — совсем еще ребята, обязательно с молодыми девочками-женами, обязательно с маленькими ребятишками. Детишки у всех, почти у всех, как подсознательное или сознательное продолжение себя.

Я, девятиклассница, закрываю форточку, я не хочу слушать эту музыку, но она все равно просачивается в дом.

Мне так жалко, так ужасно жалко их всех, летчиков, жен, ребятишек, так странно и страшно, что есть что-то над человеком — страсть к небу, к профессии, к машине. Страсть, заставляющая не бежать отсюда, не биться в слезах, уговаривая все бросить,

любимого человека, а, сжавшись в комочек, надеяться, что его минует горькая чаша сия, рождать ребятишек, как надежду: несмотря на то, что мы сегодня проводили в последний путь твоего товарища, я надеюсь, что тебя это минует, и верую в тебя, в твою звезду, в твою удачу, я рожаю тебе детей.

А музыка звучит и звучит каждый день... Ах, как я преклоняюсь перед женами летчиков навсегда, на всю жизнь. И в Мурманске тоже временами звучит музыка, она тоже обволакивает город, и тоже от нее никуда не спрячешься. Это Мурманск провожает не вернувшихся с моря рыбаков.

Товарищество Севера... Поколение фронтовиков, поколение североморцев, то поколение сейчас уже почти все ушло. Я актриса, и, где бы я ни была на гастролях, меня находили какие-то дяди Васи и дяди Пети, приходили в гости — и театр. «Ты дочка Романыча!» — «Да, я!» (благо фамилия редкая), окружали теплом, приносили к поезду еду в дорогу, посылки отцу с любовью и словами, которые я категорически не хотела брать и не могла не взять.

Они заботились друг о друге. Отец получал на праздники кипы поздравлений от североморцев и сам писал кипы... Это был не только ритуал, а потребность души. Они не говорили о товариществе, они не говорили о порядочности, они не говорили о законах чести, о добре и благородстве, об отношении к женщине, о национальности. Киммельман был женат на дочери священника красавице Фанне. Батюшка зятя обожал.

Иногда вдруг на очередную посылку от человека с трудом выговариваемым именем отец реагировал так: «А это мой товарищ татарин, он очень хорошо воевал» или так: «Женщина не могла быть одна на фронте» — это когда я стала рассказывать о своем друге, мать которого была фронтовым шофером боевого генерала.

Я дочь моряка. Я благодарна Северу. Это Север меня научил жалеть и выстоять, верить в сверхъестественное не от космоса и гипноза, а от любви и воспоминаний о тех людях, с кем прошло мое детство. Этот тот Север мне подарил веру в себя, в свои силы.

...Я стою у стадиона «Динамо» и вижу выходящих со стадиона полупьяных мальчиков с бегающими глазами в тельняшках и беретах. У меня холодеет сердце. Никогда на Севере я не видела таких глаз у матросов. Каждый из них, в наглаженных клеях, глядящий куда-то поверх голов, сам был, как маленький крайсер. И я думаю, что, если бы они были живы — отцовские североморцы, они бы сумели пожалеть и обогреть этих мальчиков, вернуть им веру в жизнь и достоинство моряка.

**Наталья МАЕВА,**  
актриса Московского  
театра комедии.